

Выражение на лице Цзян Ло застыло. Такая аура, без сомнения, с каждым движением проявляла властность и силу, что идеально соответствовало характеристикам персонажа. По сравнению с его собственным исполнением, это было на голову выше. Но как это возможно? Ведь это всего лишь маленький ассистент без актёрского опыта, к тому же моложе его на три-четыре года. Такая мощь не должна была исходить от такого зелёного юнца.

Однако последующая игра Шэнь Тана поразила ещё больше.

Серия красивых и плавных боевых движений не только была выполнена безупречно, но и идеально синхронизировалась с указаниями постановщика боёв. Одной из целей выбора этой сцены помощником режиссёра Сунем было усложнить задачу Шэнь Тану. Если бы он не был профессиональным актёром, у него не было бы таких навыков, и ему было бы сложно справиться со сложной сценой драки.

Конечно, Шэнь Тан мог бы немного упростить движения, учитывая свои физические данные, так как в сценарии не было детального описания боевых элементов, и здесь можно было проявить творчество. Но эта сцена была классической, и если бы бой был слишком коротким или фальшивым, это выглядело бы некрасиво.

Волосы Шэнь Тана развевались, как чёрный водопад, лента в волосах и полы одежды порхали вместе с его лёгкими движениями. Следуя сценарию, постановщик боёв падал на землю, а Шэнь Тан, слегка приподняв глаза, смотрел на него. Его ресницы, похожие на маленькие веера, обычно делали его миловидным и моложавым, но сейчас в его глазах сверкал холодный свет, делая их глубокими и мрачными, полными угрозы:

— Сюань Цинцзы, раз уж осмелился тронуть моих людей, должен был ожидать такого дня. Красного одетого юношу могу бить и ругать только я. Если кто посмеет тронуть его хоть пальцем, я отрублю ему обе руки. Кто посмеет дотронуться до его волоса, того я обдеру живьём. Даже если он совершит тысячу ошибок, только я могу его наказывать. Пусть даже это будет стоить жизней нескольких смертных женщин из публичного дома, даже если это приведёт к разрушению мира, разбираться с этим буду я, а не твоя секта Гуйсюй.

Все замерли на несколько секунд, пока Шэнь Тан не поклонился съёмочной группе, показывая, что его выступление окончено. Только тогда зрители разразились аплодисментами.

Даже главный режиссёр Сун Цзюнь с улыбкой похвалил:

— Отлично!

Но Сяо Цзин с самого начала боевой сцены молчал.

Выражение лица Тан Юйсюаня стало мрачным. Он изначально хотел поставить Шэнь Тана в неловкое положение, специально позвав режиссёра Суна. Но теперь, на глазах у всех, Цзян Ло явно уступил в мастерстве. Тан Юйсюань, для которого лицо всегда было важнее всего, уже считал, что это не только дело Цзян Ло. Он яростно посмотрел на Цзян Ло — даже ассистент оказался сильнее.

Цзян Ло сам чувствовал себя униженным, испытывая смесь смущения и негодования. Тан Юйсюань, быстро сообразив, с улыбкой обратился к Сун Цзюню:

— Режиссёр Сун, хотя роль Чи Е не слишком большая, она очень яркая, и к ней нужно подойти с особой тщательностью. Мы выбирали так долго, и ещё немного времени не повредит. Только что мы проверили боевую сцену, может, теперь попробуем драматическую?

Помощник режиссёра Сунь сразу же поддержал:

— Режиссёр Сун, я думаю, это хорошая идея.

Сяо Цзин, до этого молчавший, вдруг холодно произнёс:

— Нет.

Тан Юйсюань удивился:

— Что ты сказал?

Сяо Цзин ответил:

— Шэнь Тан получил сценарий только вчера, он выучил только эту часть. На сегодня хватит.

Лицо Тан Юйсюаня мгновенно изменилось. Сяо Цзин редко высказывал своё мнение, но когда он это делал, его слова звучали непререкаемо. Режиссёр Сун поспешил сгладить ситуацию:

— Маленький Шэнь сегодня устал, он хорошо сыграл, я думаю...

Шэнь Тан вдруг сказал:

— Режиссёр Сун, у меня нет проблем.

Он улыбнулся:

— Нельзя из-за меня задерживать процесс. Если после повторной попытки вы решите, что есть проблемы, просто отдайте роль брату Цзяну.

Он дружелюбно посмотрел на Цзян Ло, который, услышав слово «отдать», чуть не подпрыгнул.

— Если проблем не будет, значит, все согласны, и я не хочу, чтобы у кого-то были возражения.

Сказав это, он едва заметно подмигнул Сяо Цзину. На лице Сяо Цзина не было эмоций, но в глазах мелькнула искра.

Сун Цзюнь кивнул:

— Хорошо, Хайжун, выбери ещё один яркий отрывок, с взаимодействием и большим количеством сюжета.

Помощник режиссёра Сунь сразу же согласился.

Сун Цзюнь повернулся к Тан Юйсюаню:

— Учитель Тан, пусть Цзян Ло сыграет первым, а Шэнь Тану дадим время подготовиться.

Тан Юйсюань ответил:

— Конечно.

Через час началась вторая проба. На этот раз зрителей было ещё больше. Один — Цзян Ло, который два месяца всеми силами пытался получить роль, другой — Шэнь Тан, маленький ассистент без актёрского опыта, случайно оказавшийся здесь. Первый явно проиграл, и это

было слишком драматично. Кроме почти всей съёмочной группы, пришла даже главная актриса Юань Маньмань.

В итоге помощник режиссёра Сунь не решился снова хитрить и выбрал стандартный отрывок: Чи Е узнаёт тайну происхождения героини, но не решается сказать ей правду, и только под её напором раскрывает секрет. Это была простая, но требовательная сцена.

Естественно, Юань Маньмань не стала бы играть в этой сцене, поэтому выбрали статиста, который просто должен был правильно произносить реплики. Главное внимание было на актёре.

Юань Маньмань ещё не успела снять макияж. Зелёные тени для век и голубое платье создавали образ невинности, хотя на самом деле ей уже за тридцать. Несмотря на изящные черты лица, под ярким светом камеры, играя пятнадцатилетнюю девушку, она использовала много корректора и плотную тональную основу, что неизбежно делало её мимику немного скованной.

Но её взгляд на Шэнь Тана был живым и выразительным. Если бы нужно было описать его одним словом, это было бы — враждебность?

Шэнь Тан встретился с ней взглядом и вежливо улыбнулся, но Юань Маньмань, обычно дружелюбная, холодно смотрела на него. Шэнь Тан немного растерялся. Неужели она наконец узнала, что все ночные перекусы, которые она старательно отправляла, попали в его желудок?

Юань Маньмань отвела взгляд и сказала Сун Цзюню:

— Режиссёр Сун, я сама сыграю в этой сцене.

Сун Цзюнь удивился, но не отказал:

— Конечно, это будет замечательно.

На этот раз Шэнь Тан уже был в гриме и сидел в зрительном зале, наблюдая за игрой Цзян Ло.

Цзян Ло готовился два месяца и уже почти полностью выучил сценарий.

Юань Маньмань быстро вошла в роль и спокойно сказала:

— Владыка Чи, ты что-то от меня скрываешь.

Цзян Ло отвернулся:

— Цинцин, ты всё выдумываешь.

Юань Маньмань произнесла с хрипотцой:

— Скажи мне, я действительно лиса-оборотень? Я действительно дочь моего отца?

Цзян Ло закрыл глаза:

— Конечно, я ведь видел, как ты росла. Ты, малышка, только в двести лет смогла принять человеческий облик, это долго, ты сама понимаешь, что ты лиса?

— А это что? — Юань Маньмань выкрикнула, снимая с шеи чёрное кольцо. — Почему я

постоянно вижу его во сне? Дядя Чи Е, скажи мне правду!

Цзян Ло ответил:

— Я ничего не знаю.

— А что насчёт красного одетого брата? — Её голос стал жёстким. — Я просто хочу узнать правду о своём происхождении, но вы все отказываетесь говорить мне. Придётся немного побеспокоить красного.

Цзян Ло встревожился:

— Что ты с ним сделала?

Юань Маньмань мягко улыбнулась:

— Он живёт в моём Тёплом Благоухающем Павильоне, его хорошо кормят и поят...

Услышав «Тёплый Благоухающий Павильон», Цзян Ло изменился в лице:

— Сначала отпусти его, и я расскажу тебе правду!

Помощник режиссёра Сунь крикнул:

— Снято!

Режиссёр Сун по-прежнему улыбался:

— Неплохо. Теперь, Шэнь Тан?

Действительно, игра была неплохой, но слишком стандартной. Шэнь Тан встал и вежливо кивнул режиссёру, показывая, что готов.

Оператор подошёл, помощник режиссёра Сунь кивнул, и тот щёлкнул хлопушкой, крикнув:

— Мотор!

Юань Маньмань снова вошла в роль:

— Владыка Чи, ты что-то от меня скрываешь.

Шэнь Тан опустил глаза, словно сдерживая что-то, и с трудом произнёс:

— Цинцин, ты всё выдумываешь.

Саньси: Катаюсь, прошу подписок! Тантан, иди катайся!

Шэнь Тан (неожиданно послушно): Хорошо, мама.

Сяо Цзин: (взгляд, словно нож)

Саньси (дрожа): Я покачусь! (убегает)